
ISLAM AND SOCIETY

ИСЛАМ И ОБЩЕСТВО

Ислам и мусульмане после сентябрьской трагедии

Алексей Малашенко

Эксперт Московского центра Карнеги
Проф. МГИМО (У) МИД РФ

Стала ли трагедия 11 сентября 2001г. рубежом в отношениях между мусульманским и всем остальным миром?

Попытки дать на этот вопрос однозначный ответ — «да» или «нет» — на мой взгляд, некорректны. Безусловно, эти события оказали громадное влияние на ситуацию во всем мире. Но, с другой стороны, случившиеся в США теракты в немалой степени были предсказуемы. Закономерными являются и их последствия для отношений между мусульманским сообществом и Западом. Всплеск терроризма как и борьба против него отразили всю сложность общемировой ситуации — глобалистских претензий на создание западно-ориентированной модели человеческой цивилизации а также уже конкретной американской установки на сотворение монополярного мира у одних; а у других, мусульман, и не только мусульман — желание доказать собственную состоятельность, способность быть независимыми от западного лидера. Активность исламского радикализма (фигурирующего под терминами исламизм, вахха-

бизм, фундаментализм и пр.) отражает общую фрустрацию значительной части мусульманского общества, разочарованностью собственными правящими элитами, стремление найти выход из кризисного положения в исламской «альтернативе», иными словами, представить свое светлое будущее в золотом прошлом. Обострению обстановки способствует нестабильность в ряде регионов мусульманского мира, а также в т.н. мусульмано-христианском пограничье, в которое частично входят и некоторые территории России.

Существует несколько уровней, на которых сторонники «исламской альтернативы» стремятся к достижению своих целей — локальный, национальный, региональный и глобальный. Опыт последних трех десятилетий (а в каком-то плане и всей истории исламской цивилизации) показал, что ни на одном из этих уровней добиться устойчивой реализации исламской альтернативы пока что не удалось. В качестве разнопорядковых примеров можно привести Исламскую республику Иран,

Кадарскую зону в Дагестане, режим талибов в Афганистане, исламизацию Чечни и т.д. Сошлемся также на международные исламские организации радикального и экстремистского толка, которые пытались распространить исламский вызов в глобальных масштабах. Радикальный ислам многолик. Среди тех, кто разделяет фундаменталистские убеждения, есть обездоленные, мечтающие о создании основанного на принципе социальной справедливости исламского государства. Есть политики, для которых апелляция к исламским ценностям суть инструмент удовлетворения своих амбиций. Есть состоятельные люди, готовые тратить миллионы долларов на поддержание радикальных движений и организаций. Есть технократы, верящие в фундаменталистское будущее ислама, есть сугубые традиционалисты, воспринимающие возврат в «золотой век ислама» буквально.

Сторонники радикального ислама представляют самые разные слои общества, и действуют они по-разному. Однако кем бы они ни были,

Islamic Faith and Moslems in the Aftermath of September 11

Aleksei Malashenko

Expert for the Carnegie Endowment for International Peace
Professor of the Moscow University of International Relations (MGIMO)

Has the tragedy of 9-11 become a landmark for the relationship between Moslems and the rest of the world?

Any attempts to answer this question with a definite 'yes' or 'no' are far-fetched in my opinion. The tragic events of 9-11 have certainly made a huge impact on the entire world. And yet the terrorist attacks on the US were to a large extent predictable, as are their consequences for the relationship between the Moslem community and the West.

The outbreak of terrorism and the struggle against it both reflect the complexity of the situation in the modern world, where some share globalist aspirations to a Westward-oriented model for the entire human civilization and specifically American ambitions to a monopolar world, while others, the Moslems but not only the Moslems, strive to prove their self-sufficiency, their ability to stay independent of the Western leader.

The outbreak of Islamic radicalism (referred to as Islamism, Wahhabism, fundamentalism etc.) reflects the large degree of overall frustration in Moslem

societies, their disappointment in the ruling elites, the will to suggest an 'Islamic alternative' for the current crisis, in other words, an image of the golden past as a source of rosy futures.

The general escalation is further enhanced by the lack of stability in a number of Moslem regions and on the so-called Moslem-Christian frontier, which extends to the territory of Russia, amongst other states.

Partisans of 'Islamic alternatives' can have ambitions at various levels: local, national, regional and global. The experience of the last three decades (and, in a way, that of the entire Islamic civilization) is that Islamic alternatives have not as yet succeeded in producing stable results on any of those levels. One can point out wide-ranging examples such as the Islamic Republic of Iran, the Kadar zone in Daghestan, Taliban in Afghanistan, Islamic trends in Chechnya etc. One can also mention the international Islamic groups of a radical or extremist nature that made attempts to globalize the Islamic challenge.

Radical Islam has many faces. In the ranks of the ad-

herents of fundamentalist views, there are deprived people whose dream is an Islamic state based on social justice. There are policy-makers who refer to Islamic values, using them as tools to fulfill their ambitions. There are rich men, willing to spend millions of dollars to support radical movements and groups. There are technocratic leaders with a strong belief in the fundamentalist futures of Islam; there are traditionalists who take the return to the 'golden age of Islam' word-for-word.

Partisans of radical Islam come from various social strata and use all kinds of methods. Yet, whoever they are, they fail to achieve their purposes.

For quite a few years, Islamic alternatives have been suggested as a response to the prosperous self-sufficient West, convinced of its unique mission. In the meanwhile, Moslem radicals both attracted new supporters and developed an inferiority complex that became especially strong in the 1990ies. In the bipolar world, one could always make use of the discord between the world powers and solicit the support of the USSR, which disliked fundamentalists

своих целей добиться они не могут. За долгие годы продвижения исламской альтернативы, могущей стать ответом процветающему, самодостаточному и уверенному в своей особой миссии Западу, мусульманские радикалы не только обретали все новых сторонников, но и накопили в себе комплекс неполноценности, который в 1990-е гг. приобрел особенно большие размеры. Ведь в эпоху биполярного мира, они всегда имели возможность сыграть на противоречиях между двумя сверхдержавами и обратиться за поддержкой к СССР (где фундаменталистов не любили, зато всегда с пониманием относились к их антиимпериалистической риторике). После распада СССР возможность маневра у исламистов сократилась. Они действуют самостоятельно, зато с еще большим отчаянием. Неудача в достижении своих целей побуждает их к мести за неудачу. Конфронтационные тенденции становятся более заметными. Я бы не стал говорить, что их рост тождественен «столкновению между цивилизациями». Дело обстоит сложнее. Объектом нападок исламских радикалов, включая террористов, является не только Запад, но та часть мусульманского сообщества, которая не поддерживает идею создания исламского государства, абсолютизацию законов шарията, если можно

так выразиться, идею «тотального ислама». Это характерно для большинства мусульманских правящих элит, которые пытаются бороться за модернизацию общества, стремятся совместить исламские ценности с западным опытом. Этих исламских модернистов поддерживает, пользуясь выражением американского политика и эксперта Грэхема Фуллера, исламское «молчаливое большинство».

Однако не наличием этого умеренно настроенного меньшинства определяется восприятие политиками Запада и России, еврохристианским сообществом отношений между христианским и мусульманским мирами. За пределами мусульманского мира ислам отождествляется с нетерпимостью, с постоянной готовностью к конфронтации.

В самом деле, на поверхности политического бытия лежит активность исламских радикалов, создающих агрессивный, атакующий образ ислама. События 11 сентября лишь усугубили это положение, придали ему некую логическую завершенность. Они явились не качественно новым этапом, но скорее кульминацией прежних тенденций.

Очевидно, эти многоликие и противоречивые тенденции будут и в будущем определять внутреннюю эволюцию мусульманского мира, характер его отношений с соседями. Никакая, даже самая ус-

пешная антитеррористическая операция не в силах отменить исламский радикализм. Он останется одним из стратегических направлений исламской идеологии и политической практики. И здесь чрезвычайно важно, чтобы, во-первых, свое веское слово сказало упоминавшееся выше «молчаливое исламское большинство», во-вторых, чтобы на Западе сумели избавиться от нарастающей исламофобии. И, наконец, многое зависит от того, каким образом будут решаться социальные проблемы мирового мусульманства, сумеют ли мусульмане стать на путь модернизации, или она потерпит крах, и тогда вновь и уж с большей силой окажутся востребованы традиционалистско-фундаменталистские образы и стереотипы.

yet appreciated their anti-imperialist rhetoric. With the disintegration of the USSR, Islamic groups found themselves with much less space for maneuver. Left on their own, they act with even greater audacity.

Failures to achieve their purposes make them seek revenge. Confrontational tendencies are gaining ground.

I would not say that their upsurge amounts to a 'clash of civilizations'. It is more complicated than that. Islamic radicals, terrorists included, do not only have the West as their target. They also attack the part of Moslem society that does not uphold the notion of Islamic statehood and absolute Shariah law, 'total Islam', so to put it. This is typical for most ruling elites in Moslem countries: they try to modernize their societies in an attempt to combine Islamic values with Western practices. To quote Graham Fuller, American political leader and expert,

Islamic modernists have the support of the 'silent majority' of the Moslem population.

Yet it is not the existence of a moderate minority that determines the way policy-makers in the West and in Russia and the euro-Christian community in general views the relationship between the Christian and the Moslem worlds. Outside the Moslem world, Islam is seen as equivalent to non-tolerance and readiness for confrontation.

In fact, what lies on the surface of political life is the activity of Islamic radicals who contribute towards an aggressive, attacking image of Islam. All the events of 9-11 did was further enhance this image and make it logically complete. Rather than begin a new stage, they brought existing tendencies to a climax.

Apparently, the assorted contradictory tendencies shall continue to shape the internal

evolution of the Moslem world and its relationship with its neighbors. An anti-terrorist raid, however successful, cannot put an end to Islamic radicalism, which remains one of the strategic dimensions of Islamic ideology and political practice. It is extremely important that, on one hand, the abovementioned 'silent Islamic majority' has its say, on the other, that the West manages to get rid of its progressive Islamophobia. Last but not least, a lot depends on the approach to the social problems of Moslems worldwide. Either the Moslems succeed in modernizing their societies, or modernization fails, in which case there will be still more demand for traditionalist and fundamentalist images and stereotypes.